
«ВЦИОМ. РОЖДЕНИЕ»

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.19

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б.З. К 30-летию ВЦИОМ. Интервью с Е.С. Петренко // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 357—370. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.19.

For citation:

Doktorov B. Z. Celebrating VCIOM'S 30th anniversary. Interview with E. S. Petrenko. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 357—370. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.19.

Б.З. Докторов К 30-ЛЕТИЮ ВЦИОМ. ИНТЕРВЬЮ С Е.С. ПЕТРЕНКО

К 30-ЛЕТИЮ ВЦИОМ. ИНТЕРВЬЮ С Е.С. ПЕТРЕНКО

*ДОКТОРОВ Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант, почетный доктор Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, действительный член Российской академии социальных наук, Москва, Россия.
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru*

CELEBRATING VCIOM'S 30TH ANNIVERSARY. INTERVIEW WITH E. S. PETRENKO

*Boris Z. DOKTOROV^{1,2} — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Independent analyst and advisor; Doctor Honoris Causa; Titular Member.
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru*

---

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Russian Academy of Social Sciences, Moscow, Russia

Настоящий текст — фрагмент обстоятельного биографического интервью с Еленой Серафимовной Петренко, проведенного десять лет назад¹. Как часто бывает в истории, за прошедшие годы ценность этого материала заметно возросла. В 2006—2007 гг. события, связанные с рождением ВЦИОМ, тридцатилетие которого мы отмечаем сейчас, виделись ярче, цельнее.

Елена Петренко — одна из совсем немногих, кто помнит начало. Прочитирую документ Т.И. Заславской «История ВЦИОМ в датах». 1988 г., февраль: «Приступили к работе Б.А. Грушин, И.С. Меленевский, Я.С. Капелюш, Е.С. Петренко, А.А. Ослон». К тому моменту во ВЦИОМе официально работала лишь Т.И. Заславская, Приказ

---

¹ См.: Елена Петренко: «Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...» [Электронный ресурс] / интервью Б.З. Докторову // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 79—95. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-229.pdf> (дата обращения: 9.12.2017).

№ 1 о том, что она приступила к исполнению обязанностей директора ВЦИОМ, был ею подписан 25 января 1988 г.

Только два раздела той беседы с Еленой Серафимовной приведены ниже: ее путь в социологию и описание начала работы Центра. При подготовке настоящего текста я попросил ее заново прочитать сказанное тогда и при возможности добавить что-нибудь «эмоциональное», передающее дух, атмосферу того времени. Привожу написанное ею:

«Тот ВЦИОМ — яркое интеллектуальное захватывающее дух ЧУДО! Яркие молодые гениальные сотрудники! Фантастическая тематика изучения ОМ! Настоящая вероятностная общенациональная выборка! Тысячи, миллионы мешков писем с ответами читателей 'Литературной газеты' на вопросы Левадовской анкеты... Ах, как молоды мы были! Яркий и взрывной БГ [Борис Андреевич Грушин], с гордостью наслаждавшийся своим архивом, собранным им, начиная еще со времен КП [«Комсомольской правды»] и размещенном теперь на трех стенах его кабинета от пола до потолка... Еженедельные (как я теперь понимаю, ритуальные, т.е. фиксирующие его, БГ, победу, его выход на общесоюзный исследовательский простор), паланерки у него в кабинете, на которых собирался весь наличный состав ВЦИОМ...

Понимаешь, сейчас писать что-либо о той дивной неожиданно обретенной нами содержательной, почти авантюрной профессиональной жизни очень-очень непросто... Страна была велика и невероятно разнообразна, разноразмерна, разноразлична и разнокультурна... Честно говоря, меня оторопь брала, когда как бы пропорциональную выборку строили... БГ шумел: не хочешь по своим правилам, так крести «по Чеснокову» [схема выборки С. В. Чеснокова]... Но квоты меня еще больше напрягали, поскольку они только ЦСУ СССР и репрезентировали... Если честно, то я сейчас не понимаю, как мы вообще тогда проводили опросы... Однако ж проводили... Наши результаты все принимали на ура... Помню весной 1990 г. я поехала вместо Грушина в Америку, так и там имела бешенный успех, демонстрируя на всевозможных семинарах, встречах результаты наших опросов...».

Да, все именно так и было.

Петренко Е. С.:

«Тот ВЦИОМ — яркое интеллектуальное захватывающее дух ЧУДО!»

Дорога во ВЦИОМ

— Лена, с июля 1992 г. ты работаешь в Фонде «Общественное мнение» (ФОМ), как бы ты определила свою нынешнюю профессиональную специализацию: исследователь общественного мнения, специалист в области методики, техники и организации опросов общественного мнения? Вопрос этот связан с тем, что ФОМ — не «академическое» подразделение, а научно-практическое.

— Замечу: вопрос непростой. Бедные-бедные наши респонденты! Как же им напряжно отвечать на подобные вопросы о роде их профессиональных занятий! Правда, мы им карточку даем, где есть варианты возможных корректных ответов, несмотря на странную (универсалистскую) форму вопроса, с этими вариантами соотнесенную только на взгляд разработчика анкеты. Вопрос-то адресован всем: и помощнику повара, и конструктору, и почасовой сиделке, а варианты ответа: руководитель, специалист, технический исполнитель (служащий), рабочий, другое. Вот интервьюер и разбирается, как кодировать помощника повара — или как специалиста, или как рабочего, или как технического исполнителя...

Если использовать твою подсказку, то, на первый взгляд, получается, что, конечно, я — исследователь общественного мнения, но о-о-очень специфически озабоченный инструментальными, измерительными задачами. Главные мои временные затраты — менеджмент и участие в программировании общенациональных опросов, чтобы вовремя и корректно был сформулирован вопрос (при этом не столько формулирую, сколько предложенные коллегами формулировки обсуждаю и корректирую), чтобы респонденты (эксперты) были отобраны коррект-

но, чтобы не было сбоев при обработке и визуализации полученных результатов и т. п. Одним словом, целый день при деле, а что сделала за сей безумный день — одному Богу известно, правда, вроде бы обошлось без сбоев.

Бывают, конечно, минуточки, когда разглядываю полученные свежайшие распределения ответов — удивляюсь и радуюсь тогда частенько. Уверенно назвать себя сегодняшнюю исследователем все же язык не поворачивается. Может быть, остатки прежней исследовательской роскоши удастся удержать на разного рода презентациях и семинарах или когда книжки, статьи читаю.

Так что отвечу тебе честно: моя должность — директор по исследованиям, а выбирая из предложенных тобой (замечу, не альтернативных) вариантов ответа — скорее все-таки специалист в области методики, техники и организации опросов общественного мнения.

— Можно ли сказать, что в целом ты работаешь по профессии, то есть в той области социологии, к которой готовила себя, поступив в аспирантуру?

— В любом случае — не без этого. Правда, когда собралась идти в аспирантуру, ничего подобного в виду не имела. Смутные мои ожидания были связаны, я теперь думаю, скорее всего, с некими романтически воображаемыми процедурами и алгоритмами обработки и анализа результатов эмпирических исследований, с получением «красивых группировок» данных, с обсуждением результатов с интересными людьми и т. п.

— Каково твое базовое образование? Когда, почему и как произошел твой «скачок» в социологию? В какой мере это было случайно, а в какой — результатом целенаправленного поиска?

— Родилась я под Москвой, в фабричном поселке Вербилки. До сих пор думаю, что это одно из райских мест. Там старинный (Гарднер) Дмитровский фарфоровый завод, роскошные леса, реки: Дубна и — в моем детстве — маленькая, но целебная Якоть.

В школу пошла в Москве, но папу послали запускать ускорители в Дубне, и когда я перевелась во второй класс, мы стали жить в Дубне. Там я и школу окончила. А в институте училась в Москве.

Окончила я Московский инженерно-физический институт по специальности «вычислительная техника» в середине 1960-х. Диплом писала по перцептронку Розенблатта. О-о-очень романтичный, кибернетизированный, наполненный таинствами и грядущими откровениями... А по распределению оказалась в «ящике», где должна была выверять какие-то алгоритмы, нарисованные квадратиками на «синьках». По этим «синькам» в Копьяре «зашивались» программы, управляющие пуском каких-то ракет.

Не выдержав и года, сбежала... в Госкомстандартизации в странненькую исследовательскую группу, которая под руководством врача-физиолога Юрия Макарова изучала воздействие вибраций на организм трактористов. В составе этой группы, почему-то называвшейся «группой эргономики», были математик-программист Саша Кузнецов, детский психолог Инна, врач-терапевт Ольга Яковлевна Кобринская и я, молоденькая и очень амбициозная. Группа проводила эксперименты: испытуемого трясли в «кресле тракториста», при этом до и после

этого измеряли различные психофизиологические реакции. Я должна была «распознавать образы» после обработки полученных результатов программой, которую должен был написать наш программист под моим присмотром. «Образы» образами, но меж тем появились две наши коллективные публикации по результатам наблюдений за реакциями испытуемых. Это для меня тогда был весьма даже значимый результат.

Как-то Ольга Яковлевна, с которой я, несмотря на разницу в возрасте, очень близко подружилась, познакомила меня с «совершенно удивительным человеком» — Ильей Борисовичем Мучником.

Илья практически сразу нагрузил меня какими-то делишками, и я стала писать программы на АЛГОЛе. Мучник привел меня в 25-ю лабораторию в Институт автоматики и телемеханики (ИАТ), который тогда располагался на Каланчевке. Вот уж где РАСПОЗНАВАЛИ образы! Вот уж где царил пир интеллекта! Здесь на семинарах под руководством М. А. Айзермана блистали не только Э. М. Браверман и Л. И. Розоноэр, но и их ученики и последователи (тогда еще аспиранты и м. н. с.) — С. Меерков, В. Лумельский, А. Дорофеюк, Н. Завалишин, А. Чернявский. Я обалдела и захлебнулась от этого пиршества духа — и поняла, что ничегошеньки не смыслю в «распознавании образов». Но мне было безумно интересно, не всегда и не все понимая умом, вчувствоваться в удивительно изящные математические построения Э. Бравермана, которые спустя несколько лет оформились в метод потенциальных функций. Постепенно я все больше и больше времени стала проводить в 25-й лаборатории, получая зарплату в «группе эргономики». Через несколько месяцев я завершила создание программы для БЭСМ, которая довольно успешно на основе обучающей последовательности умела распознавать образы, то есть неплохо классифицировала предъявляемые объекты. Вскоре В. Вапник подготовил и выпустил сборник трудов аспирантов ИАТ, где была и моя с И. Мучником статья про использование этой программы для «распознавания образов». Руководитель «группы эргономики» стал ворчать про мое постоянное отсутствие на месте получения пусть ничтожной, но зарплаты. Я стала нервничать. Это был конец июня 1968 г.

— Похоже, ты уже приблизилась к социологии...

— Вот именно. Как-то летом 1968 г. мой муж, Валентин Петренко, который работал в районе метро «Динамо», идя с работы к метро, прочел объявление, что Институт конкретных социологических исследований АН СССР объявляет прием в аспирантуру. Он посоветовал мне пойти в эту аспирантуру, аргументируя это тем, что публикации у меня есть и экзамены кандидатские (философия и английский) сданы, а попав в аспирантуру, я разрешу развивавшийся конфликт с «эргономикой». Я возражала, что, мол, И. Мучник ни за что не разрешит мне идти в какую-то чужую аспирантуру, а если поступать туда без его одобрения, то он меня заставит уйти из любой чужой аспирантуры. На что Валентин резонно заметил, что меня еще ни в какую аспирантуру не зачислили и говорить, в том числе и с Мучником, пока совершенно не о чем. Дело лишь в том, чтобы поехать на «Динамо» и отдать документы. На мой вопрос: «А что это за наука такая — социология?» я получила ответ: «Кто ее знает, но слово-то красивое...»

В результате подала документы. Не задав мне ни единого вопроса, меня зачислили в аспирантуру ИКСИ АН СССР. Моим руководителем оказался всесильный тогда основатель ИКСИ д. ф. н. Г. В. Осипов, тотчас перепоручивший меня своему коллеге к. ф. н. Э. П. Андрееву.

О своем зачислении в аспирантуру ИКСИ Илье я сообщила по телефону. Он разозлился страшно. Кричал, что я сама не понимаю, куда попала, что это чехистский институт. Немного поутих, когда я объяснила, что ИКСИ — институт академический, открытый, имеет вывеску и убогое подвальное помещение. Когда я приехала к И. Мучнику в ИАТ, он потребовал, чтобы я организовала ему встречу с Г. В. Осиповым, дал мне клочок бумаги с каким-то телефонным номером, обязал явиться завтра на работу (ясное дело, в ИПУ) к 9.00 и сразу же позвонить по этому телефону. Кому, зачем, для чего звонить — не счел нужным объяснять.

— Как происходил выбор направления твоего аспирантского исследования? В чем оно заключалось?

— Тема аспирантской работы тоже свалилась на меня почти мистически. Поутру, придя в 25-ю лабораторию ИПУ раньше всех, набрала телефонный номер, который И. Мучник передал мне накануне. «Леночка?! — услышала в трубке игривый мужской голос. — Буду через десять минут». Кто будет? С какой стати будет? И зачем будет? Я понятия не имела.

Пришел Мучник, а через десять минут влетел-ворвался-вбежал плотный, ярко-рыжий и лысый в то же время мужчина — Владимир Эммануилович Шляпентох, который моментально привлек Илью к обсуждению какой-то статистики, затем темпераментно обрисовал увлекательнейшие перспективы занятия социологией и особенно — выборкой, несколько раз объявил, что Леночке надо обязательно поехать в Академгородок, подружиться с Таней Заславской, и... внезапно распрощавшись, скрылся за дверью.

На другой день, записавшись на прием к Г. В. Осипову, я поехала на «Динамо» вместе с Мучником. Когда мы с Ильей вошли в кабинет-клетушку Осипова, Мучник сказал, чтобы я подождала в приемной. Минут через десять Илья позвал меня в кабинет и сказал, что, мол, он с Геннадием Васильевичем обо всем договорился. Темой моей работы будет репрезентативная выборка, работу я буду делать в ИПУ, на аспирантские лекции я должна ходить, но потраченное на них время мне все равно придется отрабатывать в выходные дни. Осипов добавил, что у него только одна просьба — чтобы Э. П. Андреев был в курсе моих дел. На том и распрощались.

Я так подробно воспроизвела, казалось бы, просто проходной эпизод поступления в аспирантуру, потому что он очень сильно перевернул мою жизнь.

— Как складывалась твоя работа, какие были основные трудности, кто поддерживал, кто мешал? Были ли сложности с защитой кандидатской диссертации?

— Наверное, складывалась работа нормально. Под приглядом Ильи писала какие-то программы. Ходила на лекции в Институт философии, слушала Леваду, Кона, Галкина, Бурлацкого, Грушина и приезжего Ядова. Дневала и ночевала в ЦСУ, выписывая статданные по городам и областям РФ. Побывала в Академгородке, где

познакомилась с Т.И. Заславской, В.Н. Шубкиным и совершенно потрясающим тамошним социологическим сообществом.

Диссертацию писала под патронажем Мучника. В основе ее лежала типология (то есть автоматическая классификация) российских городов как основание дизайна стратифицированной территориальной выборки. Первым оппонентом Мучник определил мне Т.И. Заславскую, вторым оппонентом В. Шляпентох посоветовал пригласить Ю. Самсонова. Ведущую организацию — Центральный экономико-математический институт АН СССР — представляла милейшая Н.М. Римашевская. Отзывы на реферат были из Ленинграда, Новосибирска, Свердловска. На защиту прибыли не только В.А. Ядов, О.И. Шкаратан из Ленинграда, Б.А. Грушин, к этому времени (1973 год) демонстративно переставший посещать заседания Ученого совета ИКСИ, которыми уже руководил М.Н. Руткевич, но и явилась практически в полном составе возглавляемая Э.М. Браверманом 25-я лаборатория ИПУ. Зал Ученого совета был переполнен и как-то не по-академически возбужден (а может быть, мне просто так казалось). От этого возбуждения я потеряла представление о реальности и почему-то очень темпераментно спорила с моими оппонентами. Во время этой моей выходки «группа поддержки» из 25-й лаборатории с торжествующим видом поглядывала на недоумков-гуманитариев, присутствовавших в зале. И еще победно сверкала стеклами очков председательствовавший Руткевич.

— Твоя выборка была до выборки Сергея Чеснокова для Бориса Грушина или после? Или они были принципиально различными?

В диссертации ничего «вкусного» специфически выборочного не было. Был обзор литературы, было вплетение (как я сейчас убеждена — не совсем корректное) автоматической классификации в методологию стратифицированной выборки. Но главным (не имеющим, между прочим, отношения к выборочному методу), по-настоящему главным было — использование методов автоматической классификации для анализа социальной информации.

Посему говорить о «моей выборке» как об альтернативе «выборки Чеснокова» я бы не стала. Если уж использовать такие дефиниции, то спустя года полтора после защиты диссертации. И здесь речь должна идти о принципиально разных выборочных проектах.

Конечно, в основе дизайна выборок (я бы называла их выборка Грушина и выборка Шляпентоха) лежали совершенно разные принципы. Если помнишь, у Грушина был «крест»: по параллели и меридиану брались города, поселки и села, где по квотам, рассчитанным на основе данных госстатистики Чесноковым, выбирались респонденты.

Дизайн Шляпентоха — «натуральная» территориальная вероятностная выборка (так же, только с более строгим дизайном, мы, все российские полстеры, сейчас и работаем). Так вот в этой последней, территориальной выборке имела место процедура стратификации территориальных объектов, коей на примере городов (проще говоря, типологии городов) и была посвящена моя диссертация. А упаковывалось все это в стратегию использования априорной информации при проектировании территориальной выборки.

— После защиты ты начала работать в команде А. Г. Здравомыслова или В. Э. Шляпентоха. Это была наиболее сильная в советской социологии группа по методике опросов. Пожалуйста, вспомни, кто в нее входил, какие темы вы разрабатывали, и, если можно, про климат — мне кажется, он был очень продуктивным.

— Защищалась я, уже работая у А. Г. Здравомыслова в секторе методики и техники, точнее — в московской его части. Ленинградская часть сектора, насколько я помню, состояла из О. Божкова, Н. Часовой и Т. Абисовой. В Москве, как мне помнится, кроме меня в состав сектора поначалу входили В. Пациарковский, Э. Андреев, А. Кабыща, Е. Нерсесова, С. Пашенко и еще кто-то. В. Андриенков был тогда еще при Г. В. Осипове. М. Косолапов и Г. Денисовский не помню, где были, скорее всего, в ареале В. Колбановского. Г. Татаровой, Ю. Толстой, В. Гайдиса и Ф. Шереги еще не было в ИКСИ. А Т. Ярошенко, О. Маслова, Г. Ошанина и красавица В. Поседко были в группе Шляпентоха, которая поначалу была как бы самостоятельной и в сектор А. Г. Здравомыслова не входила.

Помню свое методологическое «крещение». Родив дочь Ксюшу, после четырех месяцев декрета я явилась на работу в сектор А. Г. Здравомыслова в статусе м. н. с. Замечу, мало чего понимая в методике, а прочитанные книжки как-то топорщились в голове, не укладываясь хоть во что-нибудь связное, логичное. А. Г. Здравомыслов в первый же день выдал мне анкету из исследования В. А. Ядова (!) по ценностным ориентациям инженеров и предложил (обязал) выступить рецензентом на заседании сектора через два дня. Я несколько часов беспомощно листала эту анкету. Потом позвонила со своей бедой моей институтской подруге, которая в то время успешно работала в ИПУ. Она резонно рассудила, что поскольку я — инженер и она — инженер, если мы опросим друг друга по этой анкете, то сразу пойдем, хороша она или никуда не годится. В результате этого (по сути, экспертного, лингвистического) тестирования мы искромсали всю анкету в пух и прах. Но предложить внятный вариант вопросника нам с подругой явно было не по зубам. Она посоветовала обсудить, что делать с анкетой, со Шляпентохом. Последний, увидев учиненный нами полный разгром ядовской анкеты, пришел в неистовый восторг, объявил о «моей несомненной гениальности», а на мой недоуменный вопрос, что же мне делать, ответил: «Возьмите ручку и записывайте». Он надиктовал мне почти всю новую анкету, попросил меня как инженера поотвечать на новый вопросник, предложил после этого изменить несколько вопросов и быстренько со мною распрощался. Убегая, он скороговоркой пробормотал «Леночка, не волнуйтесь, Ваш А. Г. будет очень доволен».

На другой день на заседании сектора присутствовал В. А. Ядов и еще двое его сотрудников. Выступающие сотрудники и из нашего сектора, и из сектора Колбановского указывали на отдельные просчеты в анкете, в целом одобряя ее и рекомендуя с учетом сделанных замечаний отправлять в поле. Я сидела в полном недоумении. Ну хорошо, думала я, мы с подругой мало чего в этой «их социологии» понимаем, но Шляпентох не мог же ошибаться!

Здравомыслов дал мне слово последней. Народ зашумел, стал потягиваться и переговариваться. Я залпом выкрикнула обнаруженные нами с подругой несурности в анкете. Именитые и не очень участники заседания сначала изумленно

замолкли, выжидательно глядя на Здравомыслова. Последний, явно удовлетворенно, спросил меня: ну и что же Вы предлагаете? Я с выражением прочитала вариант вопросника, предложенный Шляпентохом. Эффект был сильный. Ядов полностью согласился с предложенной версией, выкинув лишь несколько вопросов, а за мной закрепилась репутация хорошего методиста. Я все это так подробно рассказываю, поскольку ясно понимаю, что социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер: мой путь в нужное место и в нужное время пересекся с путями ключевых акторов («отцы-основатели» — называли мы их на наших аспирантских тусовках) российского социологического возрождения в 60-х годах прошлого века. Только сегодня, когда я вспоминаю имена участников упомянутой тусовки — Г. Денисовский, А. Левинсон, М. Мацковский, С. Чесноков, М. Косолапов, Е. Таршис, И. Фомичева, А. Пригожин, И. Журавлева, С. Наталушко, С. Клигер, Я. Рейзема и др., — мне становится ясно, насколько безукоризненным был вкус наших «отцов-основателей», которые выбрали нас в свои ученики.

Несколько месяцев спустя в результате реформаций, творимых в институте тогдашним директором М. Н. Руткевичем, В. Э. Шляпентох со своей группой тоже оказался в нашем секторе методики и техники. Затем появились аспиранты Шляпентоха Франц Шереги и Владас Гайдис. Как-то само собой меня прибило к группе Шляпентоха, которую все чаще стали именовать «группой выборки». Это было в начале 70-х. Возник грандиозный проект по созданию территориальной вероятностной десяти тысячной выборки для изучения читателей «Правды».

И. Мучник, ясное дело, поначалу принимал активное участие в этом проекте, но постепенно как-то отошел в сторону, оставив своего аспиранта Е. Синицина нам в помощь. Работа над проектом была для меня большим творческим наслаждением. Мы выдумывали и осуществляли множество методических экспериментов, въедливо осваивая американский опыт проектирования и реализации территориальных выборочных дизайнов. Мы перенесли на российскую почву процедуру отбора респондентов в семье (домохозяйстве) по карточке Киша. С большим трудом изучали существующие формы территориальной регистрации населения в разных городах и всех необъятного СССР, проводили эксперименты по оптимизации времени суток для проведения интервью...

Было очень трогательным и казалось совершенно сказочным, невероятным произошедшее много лет спустя знакомство с Лесли Кишем во время организованного Шляпентохом в конце 80-х моего фантастического визита в Америку. Он оказался очень доступным, моторным и быстро мыслящим мужичком, который, на мой тогдашний взгляд, не очень-то был похож на профессора-классика.

Перестройка. ВЦИОМ

— Кто тебя позвал во ВЦИОМ? Ты ведь не только занималась выборкой, но была в директорской команде.

— Как-то летом перестроечного 1987 г. А. Левинсон спросил меня, не знаю ли я чего о том, что Б. А. Грушин организует новый Центр изучения общественного

мнения. В то время я ничего об этом не слышала. Левинсон заметил что-то вроде: ну, значит, это опять не про нас — и был, как оказалось, не прав.

В конце сентября того же 1987 г. мне позвонил Илья Мучник и в своей обычной манере произнес: «Лена! Сегодня вечером Вам будет звонить Заславская. У нее к Вам предложение, на которое Вы сразу же соглашайтесь!» На мои недоуменные вопросы: какое предложение, о чем речь? — прозвучало лишь привычное императивное: позвонить ему после разговора с Заславской.

Вечером звонит Татьяна Ивановна и рассказывает, что ВЦСПС организует Всесоюзный центр изучения общественного мнения, она будет директором, Б. А. Грушин — ее заместителем, мне предлагается стать ученым секретарем. Что условия будут хорошие, что уже сейчас ищется помещение и готовится Постановление о создании Центра. В ближайшие месяц-два надо начинать работать. Я, запуганная Мучником, ответила, что с удовольствием принимаю ее предложение. На том и распрощались.

Позвонила Мучнику и пересказала разговор. Потом набралась смелости и заявила, что не хочу быть ученым секретарем, что мне надоело быть начальником, что мое дело — выборка, которую, если не сделать путем, то Центр будет бессмысленным при самых идеальных грушинских вопросниках. Через полчаса разговора он отступил и сказал: сами разбирайтесь, кто кем у вас будет.

В конце ноября мне вновь позвонила Татьяна Ивановна и сказала, что постановление о создании ВЦИОМа практически готово, надо собираться и начинать работать, — и назначила встречу у нее дома. На встрече, кроме Заславской, Мучника и меня, были Б. Грушин, Я. Капелюш, П. Авен и рыжеватый молодой человек, которого я два раза видела у Мучника, — Саша Ослон. За чашкой чая обсудили основное распределение ролей и обязанностей: Заславская — директор, Грушин — замдиректора, Капелюш — полевой отдел, Ослон — отдел обработки данных, за мной — выборка, а вопрос об ученом секретаре удалось отложить на потом.

В феврале 1988 г. все были зачислены на работу во ВЦИОМ, который расположился в просторных административных помещениях Центрального дома туриста на Ленинском проспекте. Мы с Ослоном сидели в одной комнате друг напротив друга.

Спустя несколько недель во ВЦИОМ пришли А. Кинсбургский — в отдел Я. Капелюша, А. Толстых и А. Сагомонов — в отдел теории. Почти одновременно с ними появилась Лейла Васильева, тогда еще в качестве секретаря Б. Грушина.

Вскоре Мучник прислал мне в помощь Е. Козеренко и С. Новикова. А к лету в моей команде появился М. Тарусин.

Я. Капелюш с А. Кинсбургским пытались сформировать сеть, но дело двигалось не очень спешно. Помимо Москвы появилось не более трех регионов. Проводить всесоюзный опрос по трем точкам было невозможно. Как ни крути, три области есть только три области. Тем не менее решили провести опрос в трех областных центрах по квоте, связанные параметры которой (прости, Господи!) мне пришлось просто сочинить. Только после громогласных и жарких дебатов руководство с обиженными физиономиями согласилось объявить своим спонсорам, что первый опрос Центра будет точечным — в трех региональных столицах. Мне же пришлось проглотить не только «фантазийную» квоту

ту, но и сентенцию, что среднее по трем городам даст некую оценку мнений взрослых жителей страны.

Пока возились с полевым персоналом, спонсоры настойчиво требовали от директората хоть каких-нибудь результатов опросов общественного мнения. Чтобы их утихомирить, решили проанализировать почту популярнейшего в то время «АиФ». И тут случилось ЧП.

Дело в том, что в те годы тональность самостийной читательской эпистолярки задавали граждане «старого формата», которым все в то время происходящие перестроечные вывихи были глубоко отвратительны (сегодня похожую реакцию вызывает, скажем, гей-парад). Работой с почтой руководил Я. Капелюш, который с присущей ему скрупулезностью отобрал, по договоренности со мной, каждое тридцатое письмо и составил добросовестный отчет, снабдив его цитатами из писем.

Отчет был отправлен заказчикам из ЦК и ВЦСПС. На следующий день — страшный скандал, с вызовом на ковер директората. Дело в том, что в одном из писем имя Генерального секретаря сопровождалось матом. Но все как-то рассосалось. Тут подоспели результаты опроса в трех областных центрах, которые оказались для Генсека куда более приятными, чем пресловутое письмо. В центральной прессе появились первые публикации результатов опросов ВЦИОМа и многополосные интервью с Татьяной Ивановной.

Наверное, весной 1989 г. в Праге проходила конференция по изучению общественного мнения в странах народной демократии. Т. Заславская взяла меня туда с собой (судя по всему, к этому решению приложил свою «железную руку» И. Мучник). В Праге я занудливо выпытывала у поляков, чехов, венгров про их выборочные дизайны. Немцы работали с точно выверенными по статистике квотами, а венгры, поляки — с вероятностными выборками на основе достоверных избирательных списков. Увы, ничего конструктивного для нашего российского хаоса со статданными и с регистрационными формами из этих разговоров и бесед у меня не складывалось. Правда, несколько раз в разговорах о казусах при полевым отборе респондентов и почти «экстремальных» путях их нивелирования у меня возникало ощущение, что где-то я все это уже видела. И только в самолете на обратной дороге меня озарило: земцы! Ну конечно, у них не было сколько-нибудь удобоваримых регистрационных документов, но они знали статистические правила и, собрав стихийный (практически «соломенный») массив данных, перевзвешивали результат по имеющимся (уже более или менее надежным) данным общероссийской статистики.

По возвращении мы с С. Новиковым ликовали по поводу такого простого и в целом корректного решения. К концу весны 1989 г. он уже сделал программу, которая блистательно рассчитывала весовые коэффициенты. Е. Козеренко рассчитывала выборочные планы. М. Тарусин добывал статданные для их расчетов. И у Я. Капелюша уже задышала вполне дееспособная сеть региональных отделений.

В августе 1989 г. было создано Московское отделение, возглавил его еще один протеже И. Мучника — А. Соколов, а спустя несколько месяцев Мучник прислал ему в помощь и Е. Коневу. В середине ноября 1988 г. она начала работать Московском отделении и в конце августа следующего года возглавила его.

В июле 1988 г. был создан теоретический отдел ВЦИОМа, его возглавил Ю. Левада, вслед за ним подтянулись Л. Гудков, Б. Дубин, А. Левинсон, А. Гражданкин, Н. Зоркая, Л. Седов и А. Голов. С их приходом как бы слегка трансформировалась и тематическая направленность опросов центра. Для примера упомяну опрос читателей «Литературки». Команда Левады сделала анкету об отношении к перестройке и опубликовала ее в газете. ВЦИОМ был наводнен сотнями мешков, набитых заполненными анкетами. По результатам анализа этих анкет впоследствии была подготовлена монография «Простой советский человек».

Из Новосибирска Т. Заславская пригласила на работу Л. Хахулину, И. Рывкину, З. Куприянову. Эта команда укрепила блок социально-экономических исследований, который получил свое институциональное оформление с приходом В. Рутгайзера на пост еще одного заместителя директора ВЦИОМа. Он пришел со своей командой — С. Шпилько, М. Красильниковой, Н. Ковалевой.

Отдел Ослона тоже расширился. У него уже работали И. Статникова, которую одной из первых привел Я. Капелюш, В. Гродский, А. Данилова и Л. Блехер. Каким-то непостижимым для меня образом Ослон умудрялся вводить данные опросов и довольно быстро получать таблицы распределений.

— Ясно, народ прибывал. А что в те годы делал ВЦИОМ?

— В конце 1988 г. в «Литературной газете» был проведен уже упомянутый прес-совый опрос об отношении к реалиям перестройки, подготовленный отделом Ю. Левады.

Под патронажем Б. Грушина запускается исследование о ТВ, тираж анкет для которого (на цветной бумаге, с копиркой, с разными шрифтами — с невиданной по изяществу версткой) был сделан в США и самолетом доставлен в Москву.

По результатам пресс-опроса «ЛГ» команда Левады подготовила монографию «Есть мнение», которая вышла в 1990 г.

Заславская и Рутгайзер в это время изучали трудовые отношения.

В 1989 г. возникло заметное напряжение между «экономистами», «полстерами» и «теоретиками». В конечном счете это привело к тому, что осенью того же года Б. Грушин покинул ВЦИОМ, организовав частную фирму (фирму-конкурент!) «Vox Populi». С ним ушли А. Кинсбургский и А. Семченко.

Для Т.И. Заславской это было трудное время. Я ее успокаивала, что мы справимся, несмотря на уход Грушина. Я оставила выборку на Новикова и Козеренко и стала ученым секретарем. Первым делом бросилась к Ослону, и мы с ним чуть ли не за вечер сделали первый выпуск бюллетеня «Общественное мнение в цифрах», в который вошли таблицы и первые диаграммы по результатам очередного опроса. Дальше Саша практически сразу поставил на поток производство и регулярный выпуск этого издания.

— Это была очень ценная работа. Возможно, я один из немногих, кто сохранил все выпуски этой серии.

— После смерти Якова Капелюша в 1990 г. руководить полевым отделом стал Миша Тарусин. Через месяц после ухода Грушина ВЦИОМ практически вышел на рабочий ритм.

В 1989 г. помимо опросов по социально-экономической тематике были проведены два крупных всесоюзных исследования: отношение населения к религиозным ценностям (по адаптированному американскому опроснику) и исследование «Советский человек» по программе отдела Левады.

— Лена, мы начали с тобой это интервью летом 2006 г. — в конце года умер Ю. А. Левада. Ты работала с Левадой несколько очень насыщенных событиями лет, имела возможность обсуждать с ним многие профессиональные и общие вопросы. Какие впечатления у тебя сохранились о Юрии Александровиче как ученом и человеке?

— Мне удивительно повезло в жизни: во второй половине 60-х, оказавшись в аспирантуре ИКСИ АН СССР, я познакомилась с Ю. А. Левадой — слушала его лекции по истории философии. И сейчас отчетливо помню зачарованно внимательную тишину нашей аспирантской аудитории, в которой звучит негромкий, слегка высоковатый голос, рассказывающий про платоновскую пещеру. Помню пронзительно сияющую голубизну его внимательных глаз, неспешную речь, не очень четкую дикцию... У Левады была удивительная манера внимательно вглядываться в аудиторию (сейчас бы я сказала — тестировать), отслеживая возникающие диссонансы, которые всенепременно прояснялись в его подытоживании сказанного. Потом были его знаменитые семинары, встречи у общих знакомых и, наконец, работа с ним во ВЦИОМе вплоть до начала 90-х.

Ты на днях верно написал: что о Леваде сейчас ни скажи, получается некролог... Сейчас главное — его тексты читать, а не слова о том, каким Леваду кто-либо помнит.

Что касается меня, то вот очень значимый (на мой нынешний взгляд) фрагмент из публичной лекции Полит.ру, прочитанной Ю. А. Левадой в декабре 2005 г., который, кстати, нашего ВЦИОМовского бытования касается.

«...Когда нам случилось собраться вместе во второй раз, лет уже 16 с хвостиком назад, то оказалось, что прежде всего предстоит заняться одним из вариантов «новой социологии». И вот к «новой социологии» можно отнести с некоторой долей условности опросы общественного мнения... На самом деле почти нигде в мире эти опросы к социологии не относятся... Но... у нас и социология — не социология, и поэзия — не поэзия... В последние 15 с хвостиком лет, когда как будто бы всякие ограничения (по крайней мере — теоретические) сняты и можно заниматься чем угодно, думая как угодно, мы оказались во многом в том же состоянии, как наша литература или художественная культура: ограничений нет — можете писать или рисовать все что хотите, а писать и рисовать — нечего. Что оставалось? Делать то, что мы могли. Мы могли и попытались превратить изучение общественного мнения в средство изучения общества, в отрасль социологии, социологии понимающей... Мы собираем мнения многих тысяч людей — и мы обязаны их понимать. Обязаны понимать, что это значит. Обязаны через это стекло, увеличительное или волшебное, кое-что увидеть... Не то что мы придумали особую науку, но особое применение общераспространенным способам мы попытались придумать — иногда успешное, иногда — нет. Условно говоря, я называю это «малой социологией». Не путая с большой. Но имея в виду то, что мы здесь стоим и пытаемся что-то

сделать... а вот результат иногда пугает. Пугает, заставляет ежиться. Но что делать? К сожалению, это не наша продукция такая, это мы живем в таких условиях, и нам приходится в большой мере заниматься тем, что разбивать наши собственные и чужие иллюзии. Иллюзии о том, что мы освободились и нашли новую дорогу... о том, что достаточно хорошего знания — и можно будет верную дорогу подсказать. Ну, если не правящим людям, то остальным — оппозиции, критикам. Оказывается, что... подсказывать — скорее всего вообще не наше дело. Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать. Если сумеем понять, можно строить какие-то предположения о том, что может быть дальше...»